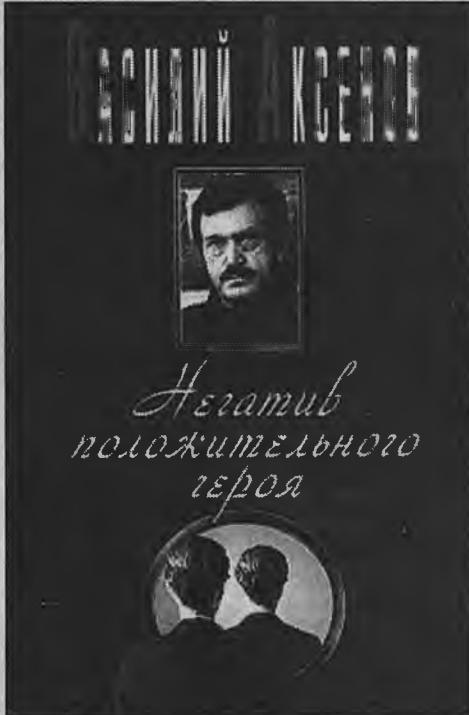

Однажды газ.
1996. - в авт. -
с 10.

Штатник в России

Василий Аксенов. Негатив положительного героя.
Рассказы. М.: Вагриус-Изограф, 1996, 10 тыс. экз., 303 с.

Некоторое время тому назад казалось, что неофициальные кумиры доперестроечной поры навсегда ушли со сцены вместе со своим временем, освободив пьедесталы для племени молодого. Все с нетерпением ждали новых имен, жаждали погрузиться в современные веяния. И что же? Имена возникли, веяния закрутились в смерч, а пьедесталы остались пусты. Обескураженные читатели, не сумевшие проникнуться запредельностью мысли и стилистической упоенностью свободных художников, бочком-бочком возвращаются к своим прежним привязанностям. Ни окрики критики, ни очевидная усталость корифеев не помешают им купить новую книгу, например, Василия Аксенова. И они об этом не пожалеют.

Новый сборник писателя составлен из рассказов последнего десятилетия, отчасти публиковавшихся в периодике. Но собранные вместе они складываются в портрет окружающей нас жизни. Необычность портрета в том, что живописец погружается в эту жизнь время от времени. Он совершает путешествие в нее, как совершил его в Америку в 1976 году в книге «Круглые сутки нон-стоп» и в 1986 году в «Поисках грустного беби». Для написания «Круглых суток» понадобилось двухмесячное пребывание в Штатах, в результате которого из мелькания «нонстопного» круговорота впервые возникла не Америка, а американцы. В «Грустном беби» герой снова путешествует по Америке, но теперь он не турист, для которого заграница — прекрасный двухмесячный сон, а страна проживания, со всеми пристекающими из этого сложностями. В первой книге он пристраивался к новому миру, во второй — он пристраивает новый мир к себе, пишет энциклопедию эмигранта в поисках душевной опоры.

Путешествие и поиск — стихия и новой книги Аксенова. Только теперь давнишний житель США вникает в новую страну — Россию. Как раньше он сравнивал увиденную Америку с представлениями о ней «задлого штатника», так теперь он поверяет свой прежний опыт увиденным на родине через десять лет.

Обилие персонажей — у каждого рассказа свой герой — дает возможность посмотреть на жизнь под разными ракурсами. Глазами ничего не понимающей американки, у которой «по непонятным причинам всякое упоминание России вызывало в детстве спазм мышц горла и набухание слезных желез» («Первый отрыв Паммер»), увидена художественная богема, где в раннем перестроичном

воодушевлении в объятиях друг друга барабанили стукач и диссидент, мешались икра и Розанов (маленький сдвиг, простительный для эмигранта: икра как обязательное блюдо интеллектуальных пиров появилась чуть позже — с повсеместным внедрением презентаций). Подобное отстранение дает лакомую возможность для иронии и развенчания, но в то же время напрочь выхолащивает новизну ощущений, присущую в те поры самым карикатурным действиям и чувствам. Однако эта новизна дана была в ощущениях, и летописцами эпохи восемидесятых — девяностых станут те, кто проживал их здесь и тогда. Как Аксенов-литератор шестидесятых — семидесятых годов те чувства, которые владели первыми диссидентами пятидесятых — стилягами. Рассказ «Три шинели и нос» — поэма о пальто, верблюжий цвет которого отделял от массы черных и коричневых колоров, помог пережить исключение из Казанского медицинского института, втолкнул в почти антисоветскую молодость. Здесь «дышил почва и судьба» — если уж все

цитаты стали расхожими. Здесь не найдется критика, посмеющего указывать на неточности деталей и ощущений.

Эти два рассказа как бы делят сборник на две части. Как в «Круглых сутках» значительность беглых наблюдений зависела только от точности взгляда писателя, так и в рассказах о текущей российской действительности важным является не то, что важно на самом деле, а то, что захотел таком увидеть рассказчик.

В глаза, как известно, большие бросается смешное. Поэтому новая книга Аксенова — чтение по большей части веселое. Даже несмешное прошлое из сегодняшнего далека становится источником смешных воспоминаний. Хотя мажорные и минорные ноты чередуются во всех сюжетах. Минор обычно звучит в стихотворных строках, которые выполняют роль лирических или иронических отступлений. Иногда иронией, как и положено у настоящего шестидесятника, снижается пафос, прикрываются лирические чувства. С усмешкой рассказывая о несерьезных поступках героя новеллы, давшей заглавие книге, автор не забывает, что за них заплачено серьезной ценой, «хотя большинство меньшинства (0,01 процента, что не голосовали за коммунизм. — О.Т.) были либо притворами, либо «неврастениками». Он же был негероическим героем своего времени. Автор встречает его в другую эпоху, когда белое и черное меняются местами. Поседел и герой. Но это единственная перемена, случившаяся с «шестидесятником-барбосом», который «остался тут... Из великой традиции нелегко вырваться с парашютом». Остался, «потому что подспудно всегда понимал положительность своей роли, то есть знал, что без тебя невозможно». Знает и Аксенов, что, когда через некоторое время проявят негатив, станет ясно, кто каким был.

Как-то Аксенов сказал, что в эмиграции появляется колossalное, обостренное внимание к языку, когда ты становишься фанатиком слов. Может быть, поэтому у редкого здешнего встретишь такое мастерское владение современным жаргоном, такое умение при помощи словечек нарисовать портрет человека.

И, пока не утрачено это чутье, каждая новая книга Аксенова становится фактом русской жизни, даже если реальная бурная жизнь страны отдаляется и превращается в литературу.

Ольга ТИМОФЕЕВА